

Читал и «Выстрел», и «День нашей жизни». Ничего ни «мелкобуржуазного», ни «антипартийного» в этих произведениях нет. И то и другое, особенно «Выстрел», можно считать образцами революционного пролетарского искусства для настоящего времени.

Правда, есть в них некоторые остатки комсомольского авангардизма. Читая эти произведения, неискушенному читателю может даже показаться, что не партия исправляет ошибки молодежи, а наоборот. Но не этот недостаток составляет основную черту, пафос этих произведений. Их пафос состоит в заострении вопроса на недостатках наших аппаратов и в глубокой вере в возможность исправления этих недостатков. В этом главное и в «Выстреле», и в «Дне нашей жизни».

В этом же их основное достоинство. А это достоинство с лихвой перекрывает и оставляет далеко в тени их маленькие, мне кажется, отходящие в прошлое недостатки.

С комм. приветом

И. СТАЛИН

М. ГОРЬКИЙ — И. В. СТАЛИНУ

<2 ноября 1930 года. Сорренто>

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Крючков привез мне Вашу записку, спасибо за привет. Очень рад узнать, что Вы за лето отдохнули.

Был совершенно потрясен новыми, так ловко организованными актами вредительства и ролью правых тенденций в этих актах. Но вместе с этим и обрадован работой Г.П.У., действительно неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии. Ну, об этих моих настроениях не буду писать, Вы их поймете без лишних слов, я знаю, что и у Вас возросла ненависть ко врагам и гордость силою товарищей. Вот что, дорогой И. В., — если писатели Артем Веселый и Шолохов будут ходатайствовать о поездке за границу — разрешите им это: оба они, так же как Всеволод Иванов, привлечены к работе по «Истории гражданской войны», — к обработке сырого материала, работа их будет редактироваться историками под руководством М. Н. Покровского — мне, да и для них, было бы полезно поговорить о приемах этой работы теперь же, до весны, когда я приеду.

На днях в Неаполь придут 200 человек «ударников», поеду встречать их. Очень рад потолковать с этими молодцами.

Пьесу о «вредителе» бросил писать, не удастся, мало материала. Чрезвычайно хорошо, что Вы посылаете мне «новый»! Но — еще лучше было бы, конечно, если б нового в этой области не было.

Сегодня прочитал в «Эксельциоре» статью Пуанкаре. На мой взгляд — этой статьей он расписался в том, что ему хорошо известны были дела «промышленной» и «крестьянской» партий, что Кондратьевы и Ко — люди, не чуждые ему. Очевидно, и вопрос об интервенции двигается вперед понемножку. Однако я все еще не могу поверить в ее осуществимость, «обстановочка» для этого как будто неподходяща. Но Вам виднее, конечно.

Чувствую, что пришла пора везти старые косточки мои на родину. Здоровье за лето окрепло. Держу строгий режим. Приеду к Первому мая.

Крепко жму Вашу руку, дорогой товарищ.

А. ПЕШКОВ

И. В. СТАЛИН — М. ГОРЬКОМУ

<Между 8–14 декабря 1930 года. Москва>

Привет Алексею Максимовичу!

Пишу с некоторым запозданием, т. к. диппочта идет к вам, в Италию, лишь в определенные сроки, кажется, раз в 20 дней.

Шолохов и другие уже отправились к Вам. Им дали все, что требуется для поездки.

Показаний Осадчего не посылаю, т. к. он их повторил на суде и Вы можете познакомиться с ними по нашим газетам.

Видел т. Пешкову. Доктор Левин будет у Вас на днях. Останется месяца полтора или больше — как скажете.

Процесс группы Рамзина окончился. Решили заменить расстрел заключением на 10 и меньше лет. Мы хотели этим подчеркнуть три вещи: а) главные виновники не рамзиновцы, а их хозяева в Париже — французские интервенты с их охвостьем «Торгпромом»; б) людей раскаявшихся и разоружившихся советская власть не прочь помиловать, ибо она руководствуется не чувством мести, а интересами советского государства; в) со-